

И. В. ТАРАКАНОВ (Ижевск)

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ И ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В диалектах удмуртского языка встречается немало слов, которые при совершенно одинаковом звуковом составе имеют различные значения. Многие из них, восходя к одному и тому же источнику, в настоящее время носят характер омонимии.

Не останавливаясь подробно на рассмотрении всех видов омонимов, которыми богат удмуртский язык, сделаем попытку проследить пути возникновения и развития лишь отдельных омонимических пар, а именно тех, которые представляют собой результат расщепления некогда общей семантики того или иного слова. В отдельных случаях анализируются также некоторые архаические формы, встречающиеся в говорах удмуртского языка.

Семантическое различие отдельных слов наиболее четко проявляется между северными и южными диалектами, с одной стороны, и литературным языком и средними говорами, с другой. Отдельные архаические формы наиболее последовательно сохранились в периферийных говорах.

Материалом для наблюдений послужили слова, записанные автором от носителей различных удмуртских диалектов. Использованы также опубликованные в разное время словари, фольклорные записи и курсовые работы студентов. Для того, чтобы точнее определить источник происхождения слов, большую их часть располагаем гнездовым способом.

zək в говорах северных удмуртов 'большой, великий; взрослый, старший', например: *zəkez pije armije koškiz* 'старший сын ушел в армию'; *ton zək ini* (Удмуртско-русский словарь, Москва 1948 = УРС) 'ты уже взрослый'. В литературном языке и в большинстве диалектов употребляется лишь в значении 'толстый, тучный, полный'. Внутренняя форма *zək* затемнена, выявить ее в настоящее время невозможно из-за отсутствия соответствующих форм в родственных языках. Мы предполагаем, что первоначально слово имело более широкое семантическое значение: одновременно обозначало 'большой' и 'толстый'. Затем в диалектах произошло сужение его значения и в результате в разных диалектах закрепились различные значения. В диалектах, где для обозначения

¹ Статья представляет собой переработанный текст доклада, прочитанного на Всесоюзной конференции финно-угроведов в г. Сыктывкаре, июнь 1965 г.

'толстый' закрепилось *zek*, понятие 'большой' стало выражаться иначе — *badžim*; этимологически это слово возникло, очевидно, из корня *bud-* 'расти'. Об этом свидетельствует тот факт, что *badžim* имеет разные варианты произношения: *baddžim*, *buddžim*, *biddžim* и т. д.²

diń, *diŋ* в южных и периферийных говорах удмуртского языка произносится с заднеязычным гуттуральным *ŋ* и имеет одно значение 'комель' (основание, утолщенная часть дерева). В северных говорах наряду со значением 'комель' оно выполняет роль послелого, представляя собой синоним другого послелого *dor* 'место, близко прилегающее к чему-либо'. Послелог *diń*, как и другие послелого-имена, обладает способностью склоняться по местно-пространственным падежам: инессив *dińin*, иллатив *dińe*, элатив *dińiš*, эгрессив *dińišen*, пролатив *dińeti*, терминатив *dińož*, аппроксиматив *dińlań*.

Отличие употребления *diń* в коми и удмуртском языках в том, что в коми языке оно имеет производные глагольные формы: *dińiyny* 'отрезать, отпилить комель; опередить (например, старшую сестру, т. е. выйти замуж раньше ее)'. Послелог *diń* в обоих языках может стать вторым компонентом сложного слова, ср. коми *Кулөмдин* 'Усть-Кулом', *Нэмдин* 'Усть-Нем', *Емдин* 'Усть-Вым'; удм. *jediń* 'пах', *peldiń* 'висок'.

В диалектах северных удмуртов служебное слово *diń*, образуя послеложную конструкцию, подверглось стяжению и в настоящее время выполняет функцию падежного окончания, ср.: *моньням* (лит. *мон дорам*, *мон дйням*) 'к себе, ко мне', *миньнямь* (лит. *ми дорамы*, *ми дйнямь*) 'у нас', *староверньын* (лит. *старовер дорын* или *дйньын*) 'у старовера', *староверньысь* (лит. *старовер дорысь* или *дйньысь*) 'от старовера' и т. д.³

Этимологически *diń* восходит к общефинно-угорскому праязыку, произносилось с велярным *ŋ*, как это мы видим и в настоящее время в марийском языке и в удмуртских диалектах: мар. *tüŋ*, удм. *diŋ*, *diń*, коми *din*, фин. *tyvi*, венг. *tő*. Первоначально, по всей вероятности, оно имело значение 'основание, комель', так как оно общее для всех родственных языков.

krež, *kirež* в литературном языке и в южных говорах 'гусли' (старинный национальный музыкальный инструмент удмуртов), в северных говорах 'мелодия, напев, песня'. Это же значение зафиксировано в словаре Видемана.⁴ Интересно, что глазовские удмурты употребляют данное слово лишь по отношению к тем старинным песням, которые поются без слов; песню в собственном смысле слова они называют *mad*. Следовательно, *krež* у глазовских удмуртов — это песня-напев, песня без слов. Для средних говоров характерны оба значения этого слова, но в отличие от северных удмуртов здесь его произносят с аффрикатой *dž* на конце. Музыкальный же инструмент они называют *buddžim kredž* 'большие гусли', а *kredž* без определения употребляют в значении 'песня, мелодия, напев' без особой дифференциации последних значе-

² Переход *u > a*, *u > i* в удмуртском языке закономерен, ср. *sultini* 'встать', *sijini* 'стоять', *vuž* 'старый', *vaškala* 'древний'. См. У. Wichmann, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische (= MSFOu XXXVI), Helsinki 1915, стр. 51; Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск 1948, стр. 46.

³ В. М. Вахрушев, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 19, Ижевск 1959, стр. 236.

⁴ F. J. Wiedemann, Syrjänisch-deutsches Wörterbuch, St.-Petersburg 1880, стр. 469.

ний: *mi palan berđžijimon kredžjos vañ* 'в наших краях есть такие песни — заплачешь'.

Наличие соответствующего параллельного слова со значением 'гусли' в марийском и мордовском языках (морд. *karđži*, мар. *kärš, kärš*)⁵ позволяет говорить о первичности значения 'гусли' по отношению к значению 'напев, мелодия, песня'. Нам представляется, что в прошлом песни в большинстве случаев исполнялись под аккомпанемент гуслей. Впоследствии они метонимически стали, по-видимому, называться *krež*-ами. Таким образом, *krež* первоначально обозначало и сам музыкальный инструмент и песню-мелодию. Об этом же говорит общедумуртский термин «песня», исторически возникший из *krežan* или *kiredžan, kirdžan*. Гласный *e*, очевидно, — вставочный звук (ср. морд. *karđži*, мар. *kärš, kärš*).

Как национальный музыкальный инструмент *krež* сравнительно рано вышел из употребления, поэтому в говорах северных удмуртов исчезло и понятие 'гусли'. Слово продолжали употреблять лишь в значении 'песня-напев'. В южных и особенно периферийных диалектах, где дольше сохранились национальные традиции, *krež* не потеряло своего первоначального значения, понятие 'песня' стали передавать словом *kirdžan*, несколько видоизмененный в формальном отношении вариант рассматриваемого *krež*. Любопытно отметить, что в некоторых средних говорах наименование старинного музыкального инструмента гусли из-за общности функций было перенесено на гармошку. В частности, Б. Мункачи гармонь, гармошку с пометкой *sar* зафиксировал как *bnagi-kirež*⁶ (букв. бумажные гусли).

aldani в литературном языке и в большинстве диалектов 'солгать, обмануть, соврать, одурачить, провести'. Это значение отмечают также Видеман, Вихман, Мункачи и Борисов.⁷ В УРС, где приводится *aldaš-kini* (возвратная форма глагола), производное от *aldani*, отмечено второе значение этого слова — 'ошибиться, просчитаться': *kaccip dac манетлы алдаськиз* 'кассир просчитался на десять рублей'. Это значение наличествует и в говорах северных удмуртов. Здесь слово употребляется также в значении 'потерять, затерять': *ťatťšaje minsa tirme alday* 'сходив в лес, я потерял топор'. Возвратная форма данного глагола в определенном контексте может выступать в значении 'заблудиться': *vasajen petajen źatťšaje vetillam no aldaškillam* 'Вася с Петей ходили в лес и заблудились'.

Слово *aldani* восходит к тюркскому *алдай*⁸, имеет соответствия почти во всех тюркских языках и употребляется в одном и том же значении 'обмануть, провести'. Возникает вопрос, каким же образом развились эти последние значения данного слова в североудмуртских говорах? Прежде чем ответить на него, следует обратить внимание на то обстоятельство, что от глагола *aldani*, заимствованного из тюркских языков (очевидно, из татарского), в удмуртском языке образуется про-

⁵ Y. H. Toivonen, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten, Helsingfors 1928, стр. 191; T. E. Uotila, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen (= MSFOu LXV), Helsinki 1933, стр. 350.

⁶ B. Munkácsi, A votják nyelv szótára, Budapest 1896, стр. 167.

⁷ F. J. Wiedemann, указ. раб., стр. 461; B. Munkácsi, указ. раб., стр. 24; Т. К. Борисов, Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск 1932, стр. 13; Y. Wichmann, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Helsinki 1954, стр. 44.

⁸ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий I, ч. I, Санкт-Петербург 1888, стр. 411.

изводная возвратная форма со значением 'обмануться, просчитаться, ошибиться'. По нашему мнению, эти значения возвратного глагола в дальнейшем и послужили основой для развития и расширения семантики слова: 'потерять' значит потерять по ошибке. Заблудиться также можно по ошибке, потеряв ориентир. Отмеченные диалектные значения *aldani* ни в одном из тюркских языков не функционируют. Следовательно, они развились на удмуртской почве. Толчком для расщепления семантики слова послужила производная возвратная форма со значением 'ошибиться'. Основное значение тюркского слова *aldani* 'обмануть' в северных говорах не привилось.

maktani, maktaskini в южных и периферийных диалектах удмуртского языка 'хвалить, хвалиться, хвастаться, кичиться'. Лишь в УРС с пометкой сред. (средний) отмечается дополнительное значение 'насмешка, ирония, насмехаться, иронизировать'. В литературном языке употребительны оба значения, однако 'насмешка, ирония, насмехаться, иронизировать' в последние годы стало доминировать. В значении 'хвалить, хвастаться' чаще употребляется общеудмуртское *uſjani*.

maktani — латинского происхождения, ср. лат. *mactō* 'возвеличивать, прославлять'. В удмуртский язык оно попало, очевидно, через тюркские языки: татар., башк. *maktau*. Соответствия есть и в киргизском, казахском, турецком и других тюркских языках.⁹ Из финно-угорских его заимствовал марийский язык.¹⁰ Характерно, что рассматриваемое слово как в тюркских, так и в марийском языке второго значения ('насмехаться, осмеять, иронизировать') не имеет. Этот факт позволяет говорить о позднейшем развитии данного значения. Расщепление первоначального — 'хвастаться, кичиться' — произошло в средних говорах удмуртского языка и относится, по-видимому, к недавнему времени, так как ни в одном из дореволюционных словарей оно не зафиксировано. Развитие второго диалектного значения мы представляем себе следующим образом. Поскольку для выражения 'хвалить, похвастаться' было удм. *uſjani, uſjaskini*, то заимствование в условиях средних говоров, где влияние татарского языка сказалось не так сильно, не могло его полностью вытеснить. Поэтому из семантики заимствованного слова в говорах удержался лишь оттенок значения. Ведь в слове *maktaskini* 'хвастаться, кичиться' содержится и оттенок иронии, насмехательства. Этот побочный оттенок затем остался единственным значением слова и *maktaskini* приобрело значение 'насмехаться, просмеять, иронизировать'. В средних говорах данное слово дало также производное служебное слово *maktal*¹¹, образующее сравнительную конструкцию.

Различие в семантике отдельных слов наблюдается также между литературным языком и говорами средних районов Удмуртии. Наиболее характерны из них следующие: *kɥar* в литературном языке 'лист'. В средних говорах удмуртского языка оно употребляется, кроме того, и в значении 'капуста'. Слово общефинно-угорского корня, ср. фин. *korva* 'ухо; ручка, рукоятка', эст. *kõrv* то же, коми *kor* 'лист'.¹²

Нужно полагать, что предки удмуртов еще до появления капусты в Приуралье знали приготовление пищи из различных листьев — щавеля, крапивы, сныти обыкновенной и т. д. С появлением капусты в

⁹ В. В. Радлов, указ. раб. IV, стр. 1998—1999.

¹⁰ Марийско-русский словарь, Москва 1956, стр. 313.

¹¹ Р. И. Яшина, Сравнительные конструкции в удмуртском языке, Ижевск 1963, стр. 6 и сл.

¹² SKES II, стр. 221.

части диалектов наименование *kyar* 'лист' было перенесено и на капусту. В других диалектах для передачи понятия 'капуста' употребляется славянское заимствование (*kubista*), восходящее к латинскому.

beŕše, beŕšej употребляется в различных диалектах удмуртского языка с разными значениями. В литературном языке оно имеет значение 'сосед, родственник', в средних говорах — 'брат, дядя', в северных говорах — 'подруга'. Слово это тюркского происхождения, ср. чув. *пичче* 'старший брат', азерб. *бача*, хак. *пиче* 'сестра'. Чувашский лексиколог В. Г. Егоров возводит его к древнетюркскому *ни, ну, бей* 'князь', утверждая, что «в древние времена, когда в лексике еще не установилось строгой дифференциации слов по значению, слово *пичче* употреблялось одинаково и в значении старшей сестры и старшего брата. Позднее же у одних тюркских народов *пичче* утвердилось в одних языках исключительно в значении старшего брата, а у других в значении старшей сестры». ¹³ В удмуртский язык слово *beŕše* проникло, по-видимому, через предков чувашей со значением 'старший брат, дядя'. Другие значения, наличествующие в средних и северных говорах — 'сосед, подруга' и, возможно, 'родственник' развились, очевидно, позднее. По нашему мнению, возникновение различий в семантике анализируемого слова связано с историей изменения общественного уклада жизни удмуртов. В прошлом, при родовом строе (а он существовал у удмуртов вплоть до IX—XIV вв.), семьи одного рода селились рядом. В тот период для выражения понятия 'сосед' вполне достаточно было одного слова *beŕše*, так как оно одновременно выражало все три понятия: и брата, и родственника (кровного) и соседа. Позднее, когда семьи одного рода стали селиться рядом с семьями других родов, т. е. родственные связи заменялись территориальными, в части диалектов соседей продолжали называть уже привычным словом, хотя последние и не состояли с ними в родственных связях. Что же касается развития значения 'подруга', то оно должно быть связанным с понятием 'сосед'. *Бече-подруга* — значит подруга-соседка, подруга, живущая рядом. Так, слово *beŕše*, некогда имевшее единую семантику 'брат, дядя', в ходе исторического развития расширило ее. В дальнейшем с появлением новых слов для выражения понятий 'брат, сосед, подруга' *beŕše* в различных диалектах сохранило лишь одно какое-либо значение, а в периферийных диалектах удмуртского языка совсем исчезло. Кстати, все значения *beŕše* в настоящее время в различных диалектах заменены параллелями — заимствованиями: 'брат' — *agaj* (ср. татар. *agaŭ*) или *biŕat* (ср. рус. *брат*), 'сосед' — *buskel'* (ср. чув. *poskil'*)¹⁴, 'подруга' — *eŕš* (ср. тюрк. *iŕš*)¹⁵.

bultir — так удмурты южных районов называют свояченицу (сестру жены). В Бавлинском районе Татарской АССР данный термин употребляется также для обращения к брату жены, т. е. к шурину. В говорах удмуртов средней и северной полосы *bultir* 'вторая жена (после смерти первой)'. Исследователи тюркских языков считают рассматриваемое слово общетюркским термином. В азербайджанском, башкирском, казахском, кара-калпакском, киргизском, татарском, турецком языках для выражения понятий 'свояченица', 'золовка', 'младшая сестра жены' употребляется *балдыз* (с фонетическими вариантами

¹³ В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык, Чебоксары 1954, стр. 90.

¹⁴ Y. Wichmann, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, стр. 50.

¹⁵ Там же, стр. 55.

для каждого языка), в чувашском языке — *пултар*.¹⁶ Удмуртский язык заимствовал, по-видимому, это слово у древних чувашей. Об этом свидетельствует внешнее сходство. Употребление звонкого согласного вместо глухих для удмуртского языка закономерно, ср. *busi* — чув. *позу* 'поле', *buskel* — чув. *поскиль* и т. д.¹⁷

Следует полагать, что понятие 'шурин' также было воспринято у тюркских народов, так как использование одного термина по отношению к лицам мужского и женского пола той или иной степени родства не является единственным в системе тюркской терминологии родства.

Значение 'вторая жена' производно по отношению к 'свояченица'. Дело в том, что в прошлом у удмуртов в случае смерти первой жены была традиция жениться на младшей сестре жены, т. е. на свояченице. Поэтому термин *bultir* в некоторых удмуртских диалектах стал употребляться в значении 'вторая жена', т. е. *bultir* (букв. свояченица-жена), а потом просто 'вторая жена'.

basma в различных говорах удмуртского языка обозначает различные понятия. В литературном языке и в большинстве диалектов это слово имеет значение 'ситец', в говорах селтинских и сюрсинских удмуртов — 'платок', в Игринском районе — 'перекладина через речку'. *basma* представляет собой тюркское заимствование.¹⁸ Внешнее фонетическое оформление и семантика его, за исключением второго значения, полностью сходны с татар., башк. *basma* 'ступень, мостик, перекладина через речку; набойка, ткань с нанесенным на нее красочным узором'. В чувашском языке оно имеет форму *пусма* и те же значения. Употребление *basma* в значении 'платок' в тюркских источниках не отмечается, следовательно, оно возникло на удмуртской почве. Первоначально с появлением фабричной ткани платки, по-видимому, вырезались из куска материи, как у древних славян. Поэтому в части диалектов слово стало обозначать одновременно 'ситец' и 'платок'.

В литературном языке и в средних говорах семантические различия обнаруживаются также в словах:

	Диалектное значение	Значение в лит. языке
<i>gožjani</i>	'делать борозды между рядами картофеля, окучивать'	'писать, написать'
<i>neki</i>	'сливочное масло'	'сметана, сливки'
<i>kuini</i>	'плести, заплетать'	'ткать'
<i>džudini</i>	'сойти с ума, помешаться'	'недоумевать'

Семантическое различие в словах, общих с литературным языком, наблюдаются также в говорах удмуртов окрестностей Цыпы и Кукмора Татарской АССР. Не подвергая подробному анализу развитие их семантики, приведем их с указанием основных значений:

	Диалектное значение	Значение в лит. языке
<i>bordžani</i>	'закрыть, запереть'	'заплести, начало плетения'
<i>kebit</i>	'магазин, лавка'	'кузница'
<i>keškemanj</i>	'скучать'	'бояться, страшиться'
<i>uŋini</i>	'смотреть, глядеть, пробовать, попробовать'	'нянчить, соблюдать, сохранять'

¹⁶ Л. А. Покровская, Термины родства в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков, Москва 1961, стр. 67—68.

¹⁷ В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык, стр. 90.

¹⁸ В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964.

В говорах цыпьянско-кукморских удмуртов встречаются отдельные архаические формы, в большинстве диалектов удмуртского языка не сохранившиеся. К числу таких слов относятся:

paš в кукморско-цыпьянских говорах 'шуба'. В этом значении оно широко употребляется в диалектах коми языка. По всей вероятности, *paš* — общепермское слово. Внутренняя форма его затемнена. В виду наличия совершенно идентичного по звучанию омонимичного слова *paš* 'отверстие, дыра, открытый' в большинстве диалектов его заменило русское заимствование *шуба*. В кукморско-цыпьянских говорах слово *paš* в значении 'шуба' сохранилось потому, что там другое омонимичное слово *paš* 'дыра, отверстие' было заменено словом *ušto* (от глагола *uštij* 'открыть, раскрыть'). Последнее слово в литературном языке и говорах удмуртов, проживающих в Удмуртской АССР, повсеместно отсутствует. С точки зрения современного языка его следует рассматривать как семантический архаизм.

В кукморско-цыпьянских говорах еще широко употребляется архаическое слово *tu* (лит. *чечы*) 'мед', относящееся к древнейшему пласту удмуртской лексики, ср. коми *ma*, морд. *med*, мар. *mü*, *müj*, фин. *mete-*, венг. *méz*; ф.-у. *mete < и.-е. **medhu-*.¹⁹ В других диалектах удмуртского языка *tu* встречается лишь в составе сложного слова *musur*, *musir* 'брага, медовый напиток'. Архаизация и выход из общенародного употребления рассматриваемого термина, по-видимому, были вызваны стремлением языка избежать существующей омонимии, ср. *tu* 'мед' — *tu* 'земля, почва'.

Мы подвергли анализу лишь небольшую группу слов, имеющих одинаковый фонемный состав, но отличающихся друг от друга различной семантикой. В диалектах удмуртского языка несколько десятков таких слов.

I. V. TARAKANOV (Iževsk)

ZUR FRAGE ÜBER DEN GEBRAUCH UND DIE BEDEUTUNG EINIGER MUNDARTLICHEN WÖRTER IN DER UDMURTISCHEN SPRACHE

Im Artikel erforscht der Verfasser die Bedeutung und die Etymologie folgender udmurtischen Wörter: *zek*, *diń*, *krež*, *aldani*, *maktani*, *kuar*, *bešše*, *bultir*, *basma*. Außerdem wird im Artikel ein Wörterverzeichnis ohne etymologische Analyse gegeben, in dem nur auf den semantischen Unterschied der Wörter in den udmurtischen Dialekten hingewiesen wird.

¹⁹ См. Т. Е. Uotila, указ. раб., стр. 215; В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 172.